

**СМЕНА ПАРАДИГМЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20 ВЕКА:
КРИТИКА ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ**

Alita Kälviäinen
Kandidaatin Tutkielma
Venäjän kieli ja kulttuuri
Jyväskylän yliopisto
Kevät 2024

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

Tiedekunta Humanistis-yhteiskuntatieteellinen	Laitos Kieli- ja viestintä laitos
Tekijä Alita Kälviäinen	
Työn nimi Paradigman muutos 1900-luvun jälkipuoliskolla: lukijan vastaanoton tutkimus / reseptioestetiikka	
Oppiaine Venäjän kieli ja kulttuuri	Työn laji Kandidaatin Tutkielma
Aika Kevät 2024	Sivumäärä 50
<p>Tässä tutkielmassa on tarkoitus perehtyä kirjallisuudentutkimuksessa 1960-luvulla syntyneen lukijan vastaanoton tutkimukseen / reseptioestetiikkaan (<i>eng. reader-response criticism</i>). Reseptioestetiikka on kirjallisuudensuuntaus, jossa keskitytään erilaisiin tapoihin tulkita tekstiä. Lähestyn tätä aihetta tutkien kyseisen kirjallisuudensuuntauksen tutkimuskysymyksiä, tutkimusaineistoa ja problematiikkaa, analysoitaen sen kirjallisuudentutkijoita teorioineen ja lähestymistapoineen.</p> <p>Saksalainen professori ja kirjallisuudentutkija Hans Robert Jauss luomalla raamit reseptioestetiikalle käsitteillään, kehkeytti minussakin vahvaa uteliaisuutta reseptioestetiikkaansa kohti; ”<i>Kirjallisuuden historiallisuus ja sen viestinnällinen luonne edellyttävät dialogia ja prosessia varhemman teoksen, lukijakunnan ja uuden teoksen välillä</i>”. Kirjailija kirjoittaessa tekstiään aina kehittää ja hahmottaa sitä, miten hänen tekstiään ymmärretään: hän siis luo tietynlaisen mielikuvan omista lukijoista / ylipäätään lukijakunnasta (Eco, 1979). Käsitteelen kirjallisuuden viestinnällistä luonnetta lukijan vastaanoton tutkimuksen analyysin valossa.</p> <p>Minua siis kiinnostaa miten tulkintojen tutkiminen ja niiden muodostaminen oli lukijan vastaanoton tutkimuksessa tehty juuri lukija-keskeisesti. Perehdyn lukijan lukemisen prosessiin ja lukijan rooliin reseptioestetiikan avulla.</p> <p>”<i>Tekijän, teoksen ja lukijakunnan muodostamassa kolmiossa viimeksi mainittu ei ole ainoastaan passiivinen osa, ketju ilman ärsykeitä, vaan itse historiaa luova käyttövoima. Ilman vastaanottajan aktiivista osuutta kirjallisen teoksen historiallista elämää ei voi ajatella olevan olemassa.</i>”</p> <p>(Jauss, 1970/1989: 198)</p> <p>Perehdyn niihin teoreetikoihin, jotka antoivat lukijan vastaanoton tutkimuksessa ensisijaisen roolin lukijan kokemuksille. Tutkin tätä tutkimusta myös antropologisen näkökulman kautta, sillä se koskettaa tulkintojen muodostamista, itsensä kokemista lukemisen ja tekstin vastaanoton kautta. Tekstin ymmärtäminen ja tulkinnan muodostaminen näyttöytyy levittyvän hyvin monelle vähintäänkin humanistisen tiedekunnan alalle</p> <p>Perehdyn myös tieteenhistorioitsijan Thomas Khunin kehittämään paradigman muutos (<i>eng. paradigm shift</i>) -teoriaan, joka auttaa minua havainnollistamaan moniulotteisesti kirjallisuudentutkimuksen kehitystä tieteenhistoriassa.</p>	
Asiasanat Kirjallisuus, kirjallisuudentutkimus, vastaanoton tutkimus, reseptioestetiikka, reseptio, lukeminen, interpretaatio, tulkitseminen, teksti, lukeminen, tekstin vastaanotto	
Säilytyspaikka Jyväskylän yliopisto	
Muita tietoja	

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ.....	4
1.1	Цель и исследовательский вопрос	4
2	ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА.....	9
2.1	Смена парадигмы	10
2.2	Давид Блейх и Томас Кун: смена парадигмы	11
2.2.1	Д. Блейх - «Субъективная критика» (1978)	14
3	ОТКЛИК ЧИТАТЕЛЯ	20
3.1	Контекст: Новая критика	20
3.2	Критика читательского восприятия	23
3.2.1	Исследовательские вопросы, методы и проблематика	24
3.2.2	Представители.....	27
3.2.2.1	Ганс Роберт Яусс.....	27
3.2.2.2	Луиза Розенблат	32
3.2.2.3	Вольфганг Изер	36
3.2.2.4	Давид Блейх.....	41
3.2.2.5	Ролан Барт	43
3.2.2.6	Норман Холланд	46
4	ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЯЗЫК.....	48
5	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	55

1 ВВЕДЕНИЕ

1.1 Цель и исследовательский вопрос

Целью этого исследования является изучение развития так называемого *читателе-ориентированного* литературоведения на примере его литературного направления «критика читательского восприятия», так же известного как «отклик читателя» и «рецептивная эстетика» (*eng. reader-response criticism*). Рассмотрим эту тему посредством теории о смене научной парадигмы, являющейся одним из важных подходов к изучению развития науки во второй половине XX века.

Исследовательским вопросом этого исследования является: как появилось литературное направление критика читательского восприятия и в её контексте «субъективная парадигма» Давила Блейха, использующая теорию смены парадигмы Томаса Куна. Направление критика читательского восприятия сосредоточено на исследовании истолкования художественного произведения с фокусом на читательском опыте, которое можно считать частью современного научно-гуманитарного мышления. Разные учёные – критики читательского восприятия – подходили к исследованию опыта читателя с личной интерпретацией как самой теории, так и её использования.

Для более глубокого анализа этого направления я сначала расскажу в общем об исследовательском направлении «критика читательского восприятия», поставленных в ней исследовательских вопросах и проблематике, а затем более подробно о некоторых исследователях этого направления.

Это направление берёт своё начало в период исторически важный не только для литературоведения. В конце третьей половины XX века в истории науки учёные из разных дисциплин наблюдали в некотором смысле очень схожие преобразования. В итоге это событие принято определять как базовый поворот в социо-гуманитарном знании, который начался в 1920-х годах. Его называют *лингвистическим поворотом*, когда язык стал рассматриваться как основа для понимания не только лингвистики, филологии и связанных с литературой и языком дисциплин, но и таких дисциплин как история, политология и другие знания об обществе в целом. Меня интересует третья волна данного поворота в 1960-х-1970-х годах. Третья волна лингвистического поворота совпадает с антропоцентрической парадигмой в научной истории. Это время отмечают, как период антропологизации истории, когда в фокусе исторических исследований оказывается простой человек с его проблемами (Миньяр-Белоручева, 2014).

Лингвистический поворот не только определил, как о дисциплинах будут думать в будущем, но также ввёл идею о том, что есть «повороты» в знании. После него каждое новое направление начало описывать себя уже в рамках какого-то поворота. Как следствие в науке начали воспринимать знание и его развитие менее линейно и более скачкообразно. Научно-методологический поворот 1960-х можно считать началом размышления о дальнейших и предшествующих сменах парадигм, о которых пишет и Томас Кун.

Объяснительная модель Томаса Куна о том, как идеи, распространённые в разных поколениях ученых, выстраиваются в структуру, образуя парадигму с научными сообществами, создаёт определяющую теоретическую рамку для моего исследования. Термин *смена парадигмы* был использован Куном для описания изменения основ общепринятой модели научного знания (научной парадигмы). Целесообразно изучить, как они реализовались в критике читательского восприятия с точки зрения разных теоретиков. В направлении критика

читательского восприятия было много теоретиков-литературоведов, которые разрабатывали личные подходы в связи с их научными направлениями. Некоторых из них видят и определяют в контексте этого направления именно через призму *смены парадигмы* из-за их влияния на литературное направление, а нескольких – и из-за влияния на литературоведение в общем, а также на другие дисциплины.

В контексте критики читательского восприятия Давид Блейх - один из тех, кому в некотором смысле удалось произвести, подобно *смене парадигмы*, революционный (то есть, приводящий к скачкообразным преобразованиям) эффект в читателе-ориентированном литературоведении. Блейх предложил «субъективную парадигму» в литературном направлении критика читательского восприятия. *«Неоспоримой заслугой Д. Блейха принято считать то, что ему первому (по крайней мере, в контексте США) удалось успешно применить в литературоведении понятие “парадигмы” Томаса Куна, обоснованного в книге “Структура научных революций” (1962)»* (Анисимова, 2015).

В общем же Ганс Робер Яусс (1921-1997), немецкий литературовед, разработавший центральные понятия рецептивной эстетики (критики читательского восприятия), которого можно считать одним из основателей этого направления, утверждает в своём эссе «Рецептивная эстетика» (1992), что им разработанное понятие *рецепции* знаменует *смену парадигмы* в литературоведении и других науках об историческом опыте и в гуманитарном мышлении в целом (Jauss, 1992: 997, цит. по: Махлин, 2016: 212).

В качестве теоретической литературы я буду использовать произведение Томаса Куна «Структура научных революций» (1962, рус. пер. 1977). Эта книга «стала импульсом и символом поворота, который выдающейся германист А. В. Михайлов (1938–1995) уже на исходе прошлого столетия определил как всеобщий процесс “историзации знания (и мира)”» (Махлин, 212, 2016). Это произведение даст определяющий тон моему исследованию в силу того, что я буду использовать теорию смены парадигмы и принципов её воплощения в научном сообществе для изучения критики читательского восприятия в контексте научной истории. Для ознакомления с представителями критики читательского восприятия я использую

исследовательскую литературу. Главным источником для моего исследования является произведение Давида Блейха «Субъективная критика» (1978), в которой он предлагает «субъективную парадигму» «взамен» объективной.

«Историчность литературы и ее коммуникативная природа требуют диалога и процесса между более ранним произведением, читательской аудиторией и новым произведением». Г. Р. Яусс (1989: 199) утверждает, что для того, чтобы в литературоведении происходило развитие, читателю необходимо входить во взаимодействие не только с произведением, которое он читает, но также с (историей литературы) текстами, предшествующими читаемому произведению. Развитие в таком случае зависит от читателя, который переосмысливает прочитанное. Советский писатель Илья Григорьевич Эренбург пишет о том, что чтение — это неотъемлемая часть любой литературной работы, в которой читатель: сочиняет, пополняет текст книги своими ассоциациями, воспоминаниями, догадками, чувствами и мыслями (Ковылкин, 2007). Развитие мысли и потока мыслей, над которыми уже поработал автор, будет эффективным, если читатель подходит к чтению осознанно, осмысливая выборы, сделанные автором и отслеживая его мотивы. Другими словами, процесс диалога, о котором пишет Яусс, происходит, когда, читатель, обдумывает прочитанное, сравнивая его со знанием, которое ему уже известно из других произведений.

Также более глобально процесс диалога между читательской аудиторией с её историчностью, и авторами, создающими эту историчность, в результате которого происходит развитие литературоведения, можно пронаблюдать в литературоведении в общем, когда взаимосвязь выстраивается между ранними произведениями, читательской аудиторией и новыми произведениями. В этой ситуации действующим лицом будет являться литературовед, отслеживающий изменения и развитие в литературе. Меня интересует этот «процесс диалога» как на макроуровне, когда мы говорим о литературоведении и его развитии в целом, так и на микроуровне, когда мы рассматриваем конкретно читательский опыт чтения, так как я явно наблюдаю некоторую параллельность, *синхронистичность* в этих процессах.

Под «синхронистичностью» основатели аналитической психологии К. Юнг и британский физик-теоретик П. Дэвис понимают параллельное значение физической и психической реальности, явления которой имеют общее заведомо не связанное с друг другом свойство. В своих произведениях «Синхронистичность и человеческая судьба» (1955), «Синхронистичность: Акаузальный объединяющий принцип» (1960), К. Юнг рассуждает о неизвестном процессе, который пересекает пространство-время и упорядочивает события (подобно архетипу, упорядочивающему сознание человека и человечества), так что события физической и психической реальности приобретают параллельный смысл, когда, казалось бы, не связанные между собой процессы материального мира и человеческой психики положительно коррелируют друг с другом (Вознюк, 2022).

2 ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

В XX веке, развитие методологии привело к появлению двух различных взглядов на формирование науки: эволюционный, представленный Карлом Раймундом Поппером и революционный представленный американским историком науки Томасом Куном. Согласно К. Р. Попперу, развитие в науке происходит через последовательное накопление знаний. Томас Кун считает, что в основе развития науки лежит смена доминирующих в конкретную эпоху научных взглядов - парадигм, в контексте которых и происходят исследования. *“Представляется, что революционная теория Томаса Куна наиболее приемлема для объяснения изменений, произошедших в истории и лингвистике на протяжении последних двух сотен лет. История и лингвистика, так же, как и любая другая наука, находятся в постоянном движении и развитии, о чем свидетельствует смена парадигм.”* (Миньяр-Белоручева, 2014).

Томас Кун выделяет ряд периодов развития науки и человеческого общества в целом: допарадигмальный период (зарождение науки), период «нормальной науки» (когда существующие исследования опираются на доминирующую теорию), период экстраординарной науки (когда появляются отклонения от принятой нормы, которые способствуют возникновению альтернативных теорий), период научной революции (конфликты между гетерогенными систем ценностей, обусловленные различными научными картинами мира, во время него создается новая парадигма и к анализу известного явления подходят уже с иной точки зрения).

В допарадигмальный период истории существует большое количество школ, рассматривавших события прошлого с им характерных философских позиций. Философы и политики каждого отдельного отрезка времени от античных времён и до эпохи Просвещения представляли развитие человеческого общества в прошлом по-своему. История вступила в период «нормальной науки» в начале XIX века, когда (Б. Г. Нибуром, 1776–1831) был разработан научно-критический метод изучения истории. За два века существования «науки» в истории, по мысли Куна, произошло пять смен научных парадигм. Важно отметить, что это подход к рассмотрению развития науки.

В лингвистике же выделяется три научные парадигмы: сравнительно-историческая (период, когда сформировался научный аппарат исторической науки, а парадигмы истории и лингвистики практически не пересекались), системно-структурная (определяющий тезис, которой является язык «в себе и для себя» Ф. де Соссюра) и антропоцентрическая (рассматривавшая язык как средство «заложенное в самой природе человека и необходимое для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» и подчеркивающая что в мире есть человек с языком, человек говорящий с другим человеком) (Миньяр-Белоручева, 2014: 12).

2.1 Смена парадигмы

Важно определить, что означает парадигма, чтобы далее понять каким образом в научном обществе происходит смена парадигмы. Согласно Т. Куну, историк науки должен выделить совокупность “предписаний”, признанных в науке в тот или иной момент времени как *общие правила*. Т. Кун производит детальное историческое исследование таких совокупностей предписаний, описанных так же как принятые правила, в своей книге «Структура научных революций». Ряд “повторяющихся и типичных иллюстраций различных теорий в их концептуальном, исследовательском и инструментальном применении” представляют научные сообщества (Kuhn, 1962/1977: 69).

Смена парадигмы, как Томас Кун её представляет, определяется не движением к чему-то новому, а опровержением того, что уже существует и не соответствует требованиям современного состояния науки - противоречит её новым открытиям. Формирования новой парадигмы связано с «эпистемологическими потребностями настоящего», которые выходят наружу в исследованиях и открытиях, противоречащих друг другу.

2.2 Давид Блейх и Томас Кун: смена парадигмы

Давид Блейх описывает парадигму со слов Т. Куна как модель, которая характеризует склад ума тех, кто систематически наблюдает за чем-либо в человеческом опыте. *«Модель обычно состоит из “правила, теории, применения и осуществления”, и из этого происходят определенные последовательные традиции научных исследований»* (Bleich, 1978). Он делает следующий вывод: *«Таким образом, существование парадигмы определяется поведением группы ее приверженцев»* (Bleich, 1978). Так же Блейх отмечает, что: *«В буквальном смысле слова парадигма управляет научной деятельностью только и непосредственно с согласия управляемых»*.

Д. Блейх, читая Т. Куна, подчёркивает релятивистский характер научных теорий и парадигм; их функции не столько для познания, сколько для самоорганизации и самоконтроля деятельности научных сообществ.

Парадигма - “Это общая ментальная структура, набор убеждений о природе реальности, под которыми подписывается группа мыслителей, достаточно большая, чтобы осуществлять руководство для тех, кто подобным образом хочет наблюдать и понимать человеческий опыт.” (Bleich, 1978)

Д. Блейх пишет: *“Работа Куна показывает, что любое восприятие происходит через парадигму. Парадигматическое восприятие реальности в любой момент истории является реальностью на тот момент. Следствием этой мысли является то, что для всех практических целей реальность изобретается, а не наблюдается или открывается людьми”* (1978).

Любопытно, что Давил Блейх подчёркивает, как в теории Куна можно наблюдать смену парадигмы: Томас Кун опровергает философскую парадигму, предложенную Рене Декартом в XVII веке, описывая её как искажённую, обосновывая *искажённость* противоречивым отношением ученых к настоящим открытиям в разных направлениях науки: *“Ученые могут согласиться с тем, что Ньютон, Лавуазье, Максвелл или Эйнштейн дали, очевидно, более или менее окончательное решение ряда важнейших проблем, но в то же время они могут не согласиться, иногда сами не осознавая этого с частными абстрактными характеристиками, которые делают непреходящим значение этих решений.”* (Kuhn, 1962/1977: 70). Здесь важно очередной раз подметить, что парадигму определяют её ‘приверженцы’: *“научное сообщество состоит из людей, разделяющих парадигму”*. То есть Томас Кун практически демонстрирует свою теорию.

Д. Блейх отмечает то, что, когда Кун писал о смене парадигмы, наблюдаемой в научном сообществе, он сам не считал, что берётся предлагать парадигму альтернативную объективной. Однако Д. Блейх отслеживает подобную альтернативу, которую Т. Кун, по его мнению, (имплицитно) предлагает: *“Тем не менее, отдельные фрагменты его собственной работы наводят на мысль о том, что я считаю именно такой альтернативой. В самом конце своих творений Кун замечает, что на протяжении всех этих страниц он обсуждал науку, ни разу не упомянув слово “истина”*”. Т. Кун объясняет это тем, что, по его мнению, учёные должны отказаться от утверждения, что какие-либо изменения в парадигме приводят исследователей ближе к “истине”: *“изменения в парадигме — это не прогресс в сторону чего либо, а развитие от чего-то”*.

В философии объективная парадигма предполагает, что истина единична и доступна через непосредственное сенсорное наблюдение; стремится к выявлению причинно-следственных связей. Многие философы используют термин «объективная реальность» для обозначения всего, что существует как оно есть, независимо от осознания этого (через восприятие, мысли и т. д.). К ней, предположительно, относятся обычные физические объекты, а также люди, обладающие субъективными состояниями. Если реальность существует независимо от сознания, то она логически включает в себя множество неопишуемых форм. Объективность требует определения *истины*, сформированного из пропозиций с истинностной ценностью. Попытка сформировать объективную конструкцию включает в себя онтологические обязательства

относительно реальности объектов (Клинтон, 2011). Другими словами, Т. Кун видит *истину* (и её формирование) так как бы это вне исследовательской деятельности учёного. Можно сделать вывод на основании теории Томаса Куна и философской объективной парадигмы, что утверждение истины происходит на более масштабном уровне - сквозь время и пространство, когда научные сообщества вовлекаются в исследование науки расширяя горизонт сплошь разногласия и противоречия, обращающие внимание на аспекты ранее незамеченные и тем самым не исследованные.

Субъективная реальность тогда включает в себя все, что зависит от некоторого (в широком смысле) сознательного осознания этого существования. Восприятие света, цвета и звуков (как они воспринимаются) являются яркими примерами, которые существуют только при наличии соответствующих сознательных состояний. Эмоции (например счастье) также представляются субъективной реальностью, существующей, когда человек их испытывает, и прекращающей свое существование, когда его настроение меняется.

Давид Блейх подчеркивает, что: *“Работа Т. Куна показывает, что мы можем отказаться от идей прогрессивной эволюции и абсолютной истины, поскольку история науки свидетельствует о том, что новые парадигмы разрабатываются только для удовлетворения эпистемологических потребностей настоящего времени или любой эпохи, которая создаст такую парадигму”*. Именно здесь Давид Блейх видит за подходом Т. Куна Дарвинскую парадигму, в сути которой не возникает необходимости в объективном представлении истины, так как концепция развития человека выступает как движения к совершенству заключая в себе саму цель.

Далее Д. Блейх ссылается на известного английского биолога К. Х. Уоддингтона, который соглашается с формулировками Т. Куна о природе прогресса. Уоддингтон представляет суть улучшения или прогресса, как абстракцию наших личных наблюдений за естественным ростом. То, что может казаться «улучшенной версией», является лишь нами наблюдаемым состоянием объекта в его «развитом виде», но мы можем это воспринимать таким только после того, как получим информацию/увидим улучшенную версию.

Уоддингтон предполагает полную размерность субъективности в формирующихся концепциях знания. Если, таким образом, мы принимаем идею о том, что цивилизация развивалась в соответствии с серией последовательных парадигмальных образований, направленных на максимизацию филогенетической адаптивности, мы вынуждены серьезно рассматривать объективную парадигму как неадаптивную в настоящее время. (Bleich, 1978)

Пойдя на шаг дальше Куна, включив гуманитарные и социальные науки в его понятие новой формирующейся парадигмы и связав эти науки с растущей вовлеченностью ученых в процесс наблюдения, Уоддингтон выражает необходимость в субъективности. В общем Д. Блейх ясно определяет природу и принципы (смены) парадигмы, представленной Томасом Куном с уже явным намерением вынести наружу им же наблюдаемую смену парадигмы в литературоведении.

2.2.1 Д. Блейх - «Субъективная критика» (1978)

Книга Давида Блейха «Субъективная критика» (*eng. Subjective Criticism*) (1978) состоит из 10 глав. Д. Блейх исследует процесс чтения с точки зрения проблем философии, психологии, педагогики и лингвистики. Целью этой работы является попытка пошатнуть традиционные устои и основы литературоведения, предложив новый взгляд на толкование художественной литературы. В ней он предлагает перспективу «субъективной критики», основой которой является новая «субъективная парадигма». Проблема новой «субъективной парадигмы» была им сформирована пару годами ранее в статье «Субъективная парадигма в точных науках, психологии и литературоведении»¹. Основой «субъективной парадигмы» является утверждение о субъективной природе знания во всех отраслях науки. Д. Блейх убежден, что точные

---

¹ Bleich, D. (1976). The Subjective Paradigm in Science, Psychology, and Criticism. *New Literary History*, 7(2), 313–334. <https://doi.org/10.2307/468508>

науки не более объективны чем гуманитарные, поскольку все новые концепции и понятия проходят процесс обсуждения в определённой научной среде и, лишь спустя время, признаются истинными или ложными, путём их принятия/отклонения научными сообществами, что преимущественно зависит от соответствия предложенных нововведений текущим интересам и потребностям научного сообщества (Bleich, 1978: 39, цит. по: Анисимова, 2015).

Давид Блейх убеждён, что субъективная парадигма «значительно мощнее и прагматически весомей господствующей объективной». Согласно объективной парадигме, связь между объектом наблюдения и наблюдающим отрицается, что и обеспечивает объективность полученных знаний об объекте. Он считает, что основные критерии объективной парадигмы: универсальность, воспроизводимость, повторяемость и прогнозируемость, являются применимыми только к математике или логике. Он утверждает, что, в целом «объективность» объективной парадигмы — это всего лишь иллюзия (Bleich, 1978: 38–39, цит. по: Анисимова, 2015).

Ссылаясь на множество исследований, Д. Блейх основывает новую субъективную парадигму именно на им наблюдаемой необходимости в признании субъективности как минимум равной объективности в науке. Изначально он стремится доказать субъективную парадигму с точки зрения лингвистики: *«личная и эмоциональная связь, которую мы имеем с языком и литературой, просто не изучается сознательно в нашей системе образования и работает только как молчаливое оправдание широкого профессионального предприятия по изучению (английского) языка»* (Bleich, 1978). Давид Блейх подмечает, что субъективность в изучении языка требует отличного подхода, и что глубина понимания языка и себя через него из-за логического и количественного подхода современного изучения языков системы обучения ограничены.

Он обосновывает свои убеждения социально-культурными наблюдениями и историческим контекстом. Значение слов, к примеру, как пишет Д. Блейх, исторически давало умеющим читать право и власть «управлять» теми, кто не умел читать. Жизнь такого «читателя» поддерживалась неграмотной публикой: *«Любой, кто имел доступ к книге, занимал особенно важное место в обществе. Такие люди обладали особой властью, которая, казалось, не*

сравнительной, богатству — это способность объяснять то, что означали слова» (Bleich, 1978). В обществе, где большинство было неграмотным, регулирование переменных значений лежало в руках тех, кто умел читать. Регулирование значений, таким образом, было связано с осуществлением власти. Как замечает Блейх, прямо как говорил персонаж английских детских сказок Шалтай-Болтай, значения абсолютно субъективны, важно лишь то, кто их мастер².

Любопытно, что тех «властных» читателей Давид Блейх сравнивает со современным критиком, чья интерпретационная задача продолжает преследовать цели, мало чем отличающиеся от целей прошлого; обычная работа критиков состоит в том, чтобы рассказывать другим, о чем говорит автор и что означает содержание книги, и обсуждать высказывания и значения с другими читателями. Критикам обычно платят из государственных фондов при условии, что большинство людей хотят знать, о чем рассказывают и что означают книги, и что по той или иной причине это большинство не может выполнять «критическую функцию» для себя самостоятельно. Получается, что, критики, подобные «умеющим читателям» прошлого, пользуются широкой общественной и педагогической необразованностью.

Не менее важным аспектом, затронутым в его произведении, является и понятие, которое в разных контекстах можно перевести как вера/значение/утверждение/убеждение (eng. belief). Хотя работа с языком и его преподавание теперь контролируются юристами в той же степени, что и преподавателями языка, обе эти группы пользуются публично делегированными полномочиями. Что еще более важно, как утверждает литературовед, так это факт того, что современные автоматические общие убеждения, стоящие за словами их носителей - не изменились. Использование языка даже всеми теми, кто сейчас грамотен, зависит от *веры в значения /убеждённости*. Он подчеркивает, что обращение с языком и литературой зависит не от определенного знания значений, а от веры в них. Эти значения не имеют другого источника, кроме накопленного социального использования языка:

---

² eng. "It was just as Carroll's Humpty Dumpty said: meanings are utterly subjective and what counts is who is master"; Bleich, (1978).

Мы верим в те значения, которые придают словам определенные авторитетные люди или группы людей (авторы). Мы также верим в значения стихов и законов, как они интерпретируются критиками и судьями. Значения отдельных слов и совокупностей слов в целом зависят от тех, кто читает эти слова и рассказывает о значении других. Невозможно отделить значение слова и литературы от того, как с языком и литературой обращаются говорящие и читающие. (Bleich, 1978)

Поскольку развитие речи тесно связано с развитием в нас автоматических систем убеждения, обучение языку и литературе часто сводится к простому наблюдению за естественными процессами роста, но именно по этой причине институты, которые способствуют и облегчают такой рост, считаются важными.

Давид Блейх определяет язык ключевой системой для изучения себя и само-рефлексии:

Обычно мы не спрашиваем человека о его религиозных убеждениях, а признаем, что эти убеждения помогают ему понять, кто он такой и что с ним происходит. Язык человека, основанный на целом ряде бесспорных убеждений, является таким же фундаментом самопознания и самооценки. Возможно, что еще важнее, это средство, позволяющее наблюдать за своим ростом и интегрировать его с ростом других людей. (Bleich, 1978)

Литературная педагогика приняла точку зрения аксиомы что литература — это «отражение людей, и в ней мы можем увидеть человеческие проблемы и заботы, через которые сами проходим». К сожалению, полезность и в итоге влияние этой аксиомы вредоносны. Обобщенность, укорененная в веках привычного религиозного мышления, присущая ей, отвлекает внимание читателей от физических деталей реального опыта речи/чтения и направляет на необходимость выработки поведения, соответствующего принятым моральным авторитетам. Давид Блейх утверждает, что, «изображая и видя опыт чтения как общечеловеческий принцип, читатели (в его анализе студенты) упускают из виду предмет непосредственности этого опыта» (Bleich, 1978).

Из-за этого стратегического упущения традиционный предмет (английского) языка кажется безобидным в отличие от большего количества дисциплин кажущимися строгими,

проблематичными, требовательными для умственной концентрации. При изучении языка и литературы потребность в изучении себя, должное внимание к которой, мы могли бы естественно ожидать, систематически исключается из публичного внимания.

Даже при обучении только языку все слова имеют «объективное» значение, а обучение говорить или писать — это механический вопрос развития навыков. Дело не столько в том, объясняет Блейх, что «учителя не знают, что письмо представляет собой мысли и чувства, сколько в том, что последнее большинство учителей не в состоянии сказать, какая связь между наличием мыслей и чувств и их написанием». В общем, он обосновывает нужду в субъективной парадигме в педагогике, основываясь на утверждении, что язык — это фундаментальная система, обучение которой предполагает необходимость в самоанализе, и представляющая собой более глубокое понимание себя.

Но самой сменой парадигмы считается не только подмеченная «необходимость» (выраженная в нашем случае игнорированием важнейших нужд, способствующих плодотворному развитию человеческого мышление) в новом подходе и более детальном исследовании (читательского опыта, предоставлении благоприятных условий для читателей и т. д.), но в корне опровержение чего-то, более не столь применимого. Именно это и делает Давид Блейх предлагая «субъективную парадигму» не место систематичной, объективной, как минимум к активному применению в изучении языка и литературы. Следовательно, Д. Блейх критикует литературоведа Н. Фрая за убеждение, что литературоведение должно имитировать изучения природы в физике, т. е. критик должен быть субъектом, который изучает литературу как объект (Bleich, 1978: 35, цит. по: Анисимова, 2015).

Первоочередный вопрос «Что это?» объективной парадигмы и «Что я желаю знать об этом?» субъективной помогает сформулировать субъективное понимание, что «любое значение является толкованием, тематическая свобода и объективность которого более не требует отрицания его субъективного происхождения и характера». В «субъективной критике» Д. Блейх, выстраивает взаимосвязь между объектом и субъектом следующим образом: объект обязательно является «субъективной (а также, интерсубъективной) реконструкцией нашего

собственного восприятия объекта» (Bleich, 1978: 237, цит. по: Анисимова, 2015). Более подробно о развитом подходе Давила Блейха в контексте критики читательского восприятия я расскажу в главе 3.2.2.4 посвящённой представителям литературного направления «критика читательского восприятия».

3 ОТКЛИК ЧИТАТЕЛЯ

3.1 Контекст: Новая критика

В литературоведении теория читательского восприятия возникла реакцией на формалистическую «новую критику», вследствие появления критиков, которых интересовал больше именно опыт читателя. Формализм, структурализм, новая критика — это те литературные направления, которые можно считать противоположностью критики читательского восприятия, они сосредоточены на изучении произведения или автора больше, чем на изучении реакции читателя. Я расскажу вкратце об одном из них: новой критике.

Новая критика — это литературное направление, которое развивалось в литературоведении в Англии в начале 1920-х, в США в начале 1930-х годов. В этом направлении фокус исследования находится на анализе и внимательном (про)чтении произведений. Глубокое (про)чтение — это разработанная новыми критиками техника анализа художественных произведений, при которой анализируемое произведение анализируется и представляется в подробном и систематическом виде. При этом основное внимание уделяется потенциальной двусмысленности, многослойности, многозначности, парадоксу и иронии содержанию текста, в частности амбивалентности, которую обнаруживают даже в стихах, как будто ясных по

смыслу при первом прочтении. Именно эти особенности текста и их анализ позволили новым критикам глубже понять произведение.

Новая критика рассматривает художественное произведение как самоценный «поэтический феномен» и анализирует его без опоры на общественные, исторические и биографические факторы. Концепции новой критики сложились в полемике против социологического метода, культурно-исторической школы и других позитивистских направлений XX века. Л. У. Эмпсон и Ф. Ливис, а также Т. С. Элиот и А. Ричардс — одни из самых значительных представителей этого направления в Англии, которые отвергали викторианские литературные и эстетические традиции. Ф. Ливис и Д. Томпсон опубликовали произведение «Культура и среда» (1933), где изложена программа «тренировки критического сознания» — умения сопротивляться воздействию общественной действительности.

В Америке новая критика сложилась в 30-х — 40-х гг. под влиянием английских критиков У. Эмпсона и А. Ричардсона, поэзии и теоретических высказываний Э. Паунда и Т. С. Элиота. Новая критика стала господствующим направлением в Америке в 1950-х. Новые критики возлагали ценность и значение исключительно на содержание текста. Их интересует формальный анализ и стремление понять стиль как выражение «определенного умонастроения». Личность художника их не интересует. Для них существуют лишь поэтическое произведение как объективная данность, которую они рассматривают вне исторического и социального контекста. «Теории «Н. к.» складывались в острой полемике не только против марксизма, но и против буржуазно-либерального культурно-исторического направления (В. В. Брукс, В. Л. Пар-рингтон и др.), а также против «Нового гуманизма» И. Бэббитта и П. Э. Мора.» (Гиленсон, 1962–1978)

Во Франции новая критика определилась в середине 50-х годов, представляя собой разновидность литературоведческого структурализма. Представители французской новой критики стремились выработать строгие критерии анализа художественного произведения, зачем они и обращаются к методам структурной лингвистики, антропологии (труды К. Леви-Стросса), «глубинной психологии», связанной с психоанализом (исследования Ж. Лакана), к теории научного знания (М. Фуко), заимствуя у них также технику исследования и

терминологию. Как наследие, оставленное основателями новой критики, можно рассматривать две переплетающиеся традиции в современной новой критике: интерпретация тематически постоянных мотивов и метафоричных фигур с техническим заданием данных психоанализа, что связано с нахождением и систематизацией значений, скрытых в «глубинных слоях» произведения - («между строк»), исследование текста, исходя из положения о целостности и взаимообусловленности его частей, разных уровней его структуры (Гиленсон, 1962—1978).

Отсутствие четкого критерия границ структуры является одной из главных трудностей на пути развития новой критики. Сложности в установлении границ предмета исследования, связанные с ограниченностью методологических возможностей новой критики, вызвали скептическое отношение некоторых ее представителей к идее строго научного соотнесения «литературного ряда» с общественными и историческими факторами, заставили их сконцентрировать основное внимание на анализе формальной структуры текста, на проблемах «письма» и привели к отказу от выяснения функциональной роли различных элементов художественного произведения, от его семантической и исторической интерпретации.

Что же касается читателя и его восприятия текста: новые критики явно отграничивают их как лежащие вне пределов исследовательской деятельности новой критики. Американские писатели Уильям Куртц Уимсатт и Монро Кертис Бердсли в своем эссе «Намеренное заблуждение» (1946) ввели понятие «намеренное заблуждение», согласно которому изначальное намерение автора - преднамеренность, стремление и цель - не является критерием толкования текста или доступным критерием толкования или оценки текста. Таким образом, новые критики рассматривали автора как ненадежный источник для толкования своего собственного текста. У. К. Уимсатт и М. К. Бердсли также ввели понятие «аффективное заблуждение» в своем эссе «Аффективное заблуждение» (1949), согласно которому влияние текста на читателя должно быть воспринято отдельно от самого текста. В противном случае оно не должно рассматриваться как часть предмета исследования новой критики. Они утверждают, что читатель должен сосредоточиться исключительно на тексте. Дэвид Дайчес критикует эту точку

зрения в своем эссе «Литературные эссе» (1956), утверждая, что³ необходима читателю для понимания самого глубокого смысла словесного произведения.

Эта практика в конце концов породила собственный набор оправдательных теорий, особенно в США, в основе которых лежала концепция литературного произведения как эстетического объекта, самостоятельного (*eng. autotelic*), динамику самодостаточного смысла которого критик должен был прояснить. Этот подход должен был изначально распространяться на все жанры литературы, но он представился эффективным только для анализа стихотворений и поэм. Новые критики делали большой акцент на тексте и его анализе, в противовес мотивам автора, создавшего текст, или читателя как интерпретатора (Collini, 1992). В этот момент в литературоведении произошла, так сказать, смена парадигмы, когда в качестве реакции на новую критику и центральное литературоведческое исследование текста возникла новая литературоведческая читателе-ориентированная ветвь: отклик читателя / критика читательского восприятия / рецептивная эстетика.

3.2 Критика читательского восприятия

Критика читательского восприятия (также отклик читателя, рецептивная эстетика/критика, (*eng. reader-response criticism*) — направление в читателе-ориентированном литературоведении, ориентированное на исследование различных способов интерпретации и толкования текста. Это направление определилось как исследовательское в тот момент, когда различные школы и концепции, оценивая художественные произведения (определяя их всеобъемлющим объектом исследования) и представляя уникальные видения и толкования

---

³ Аффективность — бурное элементарное реагирование на ситуацию, быстрый переход от одного эмоционального состояния к другому, эмоциональная импульсивность. (академика.ру)

произведений, стали рождать множество теоретических разногласий. Необходимость в направлении как таковом стала несомненной, когда появился ряд вопросов, на которые прежде не предполагалось ответов.

3.2.1 Исследовательские вопросы, методы и проблематика

Критика читательского восприятия концентрирует своё внимание на *проблеме художественной коммуникации*. Она отвечает на такие вопросы как: *возможно ли объективно оценить произведение искусства? Как рождается толкование? Как читатель воспринимает текст? Какие толкования являются истинно верными?* На эти и многие другие вопросы критика читательского восприятия пытается дать ответ через исследование читательского опыта. Основной тезис этого направления: художественное произведение не существует отдельно от его читателя. Акт чтение — это всегда диалог: встреча читателя и художественного произведения (Ковылкин, 2007).

Разработка проблемы восприятия и чтения на которой сосредоточена критика читательского восприятия, происходит от прочной теоретической преемственности. Можно наблюдать следующую линию преемственности: это феноменология Э. Гуссерля, берущая истоки из гештальтпсихологии Р. Ингардена, затем гештальт теории Ф. Перлза, герменевтика Г. Гадамера и, наконец, эстетика Г. Яусса и В. Изера. Другую сторону этого направления определяют такие ученые-семиотики, как например Р. Барт, У. Эко и Ю. Лотман исследовавшие «структуру взаимоотношений человека с искусством» (Ковылкин, 2007: 153).

Важно отметить, что на сегодняшний день критика читательского восприятия сосредоточена на поиске действенного метода изучения литературного процесса: *«Роль читателя - не проблема интерпретации в чистом виде, но проблема события и сотворения художественного текста.»* (Ковылкин, 2007).

Художественное произведение выступает как всеобъемлющая основа, осуществляющая себя в виде множества *реализаций*. Существует множество прочтений одного и того же произведения, но все они существуют в чётких границах, заданных содержанием и формой текста. Для критики читательского восприятия важно то, как читатель воспринимает и реагирует на текст. Задаётся вопрос: что направляет акт чтения, какие читательские чувства текст стимулирует и активизирует ли творческие способности читателя/реципиента. Основным предметом исследования является: анализ эстетической реакции, анализ текстовых стратегий, направляющих чтение, влияние общественно-культурной жизни на восприятие литературного текста.

Критика читательского восприятия видит литературную коммуникацию как состоящую из трёх составляющих: автор - текст - читатель. Читатель — завершающее звено: текст — цепочка элементов, которые читатель приводит в действие. А. Л. Эйре — испанский литературовед, объясняет роль читателя как главную, отмечая две причины:

Литературное произведение — это вид диалога между автором и читателем на базе литературного текста

Литературное произведение не существует до тех пор, пока не будет прочитано, принято, прокомментировано и рекомендовано

(Eire, 1997: 51, цит. по: Ковылкин, 2007: 153)

Важно отметить, что на протяжении XX века необходимость в обосновании читательской роли проявлялась не только в исследовательском подходе. Так же интерес к проблеме читательского восприятия выражали и сами авторы художественных произведений, писатели. Их основной целью часто являлось стимулирование интереса читателя. Отсюда вытекает ряд разработанных литературных приемов с целью активировать читателя как участника, сделав его персонажем литературного произведения. Роль читателя многим писателям была совершенно не безразлична и это можно особенно наблюдать в литературе XX века, когда читателя

явно уже замечают, но еще пока не определяют в какую-то конкретную роль сопоставимую другим объектам исследования.

На сегодняшний день у читателя достаточно прав, чтобы почти что создавать произведения самостоятельно в акте чтения. Эти права даются ему авторами-писателями, которые активно используют мотив вовлечения читателя в процесс чтения посредством надления читателя правом выбора интерпретирования текста *как ему будет угодно*. Писатели, такие как М. Павич и Х. Кортасар на сегодняшний день все больше и больше используют такие литературные приёмы, которые предлагают читателю большое количество «дорог» прочтения, стремясь уравнивать в правах автора и читателя. Новаторские методы авторов (роман-лабиринт, роман-кроссворд, монтаж, коллаж) можно истолковать как настоящую попытку привлечь читателя к творчеству, разбудить его мышление и в конце концов попытку открыть через него новую глубину художественного восприятия мира. Любопытно и то, насколько каждый читатель, читая, будет открывать и познавать произведение совершенно по-своему, возможно всегда отображая самого себя в нём. В любом случае всегда «пробуждая к жизни уникальные ассоциации, по-своему реальность произведения» (Ковылкин, 2007: 154). Такую «литературную практику» можно рассматривать как следствие распространения исследовательского литературного направления критика читательского восприятия – с опытом читателя, поставленного во главу угла, целью которого является познание действительности и развитие художественного мышления.

Разговор произведения и читателя можно проследить при творческой интерпретации роли читателя. *“Реципиент осознает текст как живой, подвижный организм, обладающий огромным интеллектуальным потенциалом, который раскрывается только через активную авторскую позицию”* (Ковылкин, 2007: 155). Отношения «текст-читатель» — это не диалог между двумя системами посредством односторонней структуры «вопрос-ответ», но разговор контекстов и смыслов, создающий многомерность, многоуровневость произведений. Читатель в процессе чтения приводит в движение элементы текста, образуются личные смысловые связи: *“в процессе рецепции художественное целое оживает”* (Ковылкин, 2007). В таком порядке литературное произведение не равно самому себе, а всегда подразумевает больше, чем в

него вкладывает реципиент или автор, всегда содержа в себе множество возможных прочтений. Таким образом одной из характеристик произведения в контексте критики читательского восприятия будет «автономность», заведомо продиктованная стремлением быть свободным в написании / созидании / чтении / толковании.

Понятие автономности нам известно уже с XVII века: *“всякое произведение искусства, как и создавшего его художника, можно рассматривать как самостоятельный индивид. Это живое целое. Оно имеет внутреннюю силу и жизненный принцип, благодаря которому оно воздействует определенным образом”* - о чем впервые упомянул Александр Гумбольдт (1985: 224, цит. по: Ковылкин, 2007: 155). Произведение видится как полноправная личность, обладающая личным мышлением и жизненной активностью. Оно становится частью семиосферы (семиотического пространства, в контексте которого возможна языковая коммуникация; термин, введённый русским учёным семиотиком Юрием Михайловичем Лотманом), способной пластично подстраиваться под культурный контекст так же, как и вести самостоятельную деятельность в этом пространстве. Что еще более интересно в контексте критики читательского восприятия, так это то, что приём персонификации произведения устанавливает динамику взаимодействия произведения и читателя. Процесс диалога между текстом и читателем тем самым может видеться как разговор двух реально существующих и независимо мыслящих субъектов. В связи с этим в середине XX века выдвигается концепция «смерти автора», согласно которой автор как историческая личность утрачивает свое значение. Я расскажу об этом поподробнее ниже, в связи с теоретиками, чьи труды остаются наследием в критике читательского восприятия, и чьи мысли мне хотелось бы выделить, не путая их с другими дискурсами.

3.2.2 Представители

3.2.2.1 Ганс Роберт Яусс

Ганс Роберт Яусс — немецкий историк и литературовед, разработавший одну из центральных концепций критики читательского восприятия - *горизонт ожидания* или *горизонт читательских ожиданий* (*ger. erwartungshorizont*), который отвечает за смысл, извлекаемый конкретным читателем из произведения (Цурганова, 2019). Г. Р. Яусса выделяют как основателя критики читательского восприятия. Он, в отличие от других исследуемых мною теоретиков-литературоведов, подходит к изучению читательского опыта и процесса чтения с исторической точки зрения, исследуя, в особенности, опыт читателя в связи с условиями, в которых читатель живёт. Подход Яусса, восходящий к Ханс-Георгу Гадамеру, направлен на понимание герменевтического характера критики читательского восприятия.

В основе концепции *рецептивной эстетики* Г. Р. Яусса лежит диалогический принцип, изначально разработанный М. М. Бахтиным, предполагающий активное взаимодействие между художественным произведением и его реципиентом/адресатом. Коммуникативный диалогизм позволяет понять интерпретацию по модели разговора, который происходит между двумя или более людьми. Таким образом, с точки зрения рецептивной эстетики Г. Р. Яусса, основанием для интерпретации художественного текста служат диалектические взаимоотношения произведения и читателя, в которых читатель занимает главную роль в определении актуальности и смыслового содержания текста в процессе эстетического восприятия. В историческом контексте возобновляемая рецепция художественного текста читателями в различных историко-культурных условиях приобретает характер процессуального континуума, в рамках которого отношение к тексту, его значение для конкретно исторической ситуации и понимания могут претерпевать многократные изменения.

Определение онтологического статуса художественного произведения как непрекращающейся циркуляции литературной коммуникации, образующей исторический континуум его рецепции, позволяет Яуссу устранить противопоставление исторического и эстетического аспектов произведения искусства. Эстетическая импликация заключается в том, что уже первое восприятие произведения читателем включает его первичную эстетическую оценку, предполагающую сравнение с прочитанным прежде. Историческая импликация же

состоит в том, что понимание первых читателей может продолжиться и стать более насыщенным переходя в цепи рецепций, соединяющей поколение с поколением представляя историческое значение произведения и выявляя, так сказать, его эстетический ранг. Эстетический ранг выражает важность, содержательную значимость произведения, которая выходит наружу сквозь многочисленные интерпретации разных поколений.

С точки зрения теории Яусса «эстетическое восприятие» предполагает наличие у «реципиента» некоего предшествующего литературного опыта, который

1. обеспечивает возможность адекватного восприятия и интерпретации текста
2. способен трансформироваться и обогащаться в последовательной цепи исторических рецепций

Данное расположение позволяет Яуссу определить историю литературы как процесс «эстетической рецепции» и производства литературы, который осуществляется в «актуализации», обновлении литературных текстов усилиями воспринимающего читателя рефлексирующего критика и творящего, т. е. постоянно участвующего в литературном процессе писателя. То есть Яусс рассматривает читателя как активно-анализирующего читаемое произведение за счёт чего будущие произведения являются обновлёнными, улучшенными версиями предыдущих трудов (в случае, когда читатель становится писателем). Он подмечает, что для подобного развития в литературе у читателей должно быть предварительное понимание о текстах и способность развиваться за пределами читаемых трудов. Таким образом история литературы с позиции «рецептивной эстетики» представляет собой не совокупность исторических социальных и культурных факторов, обусловленных генезис и накладывающих именной отпечаток на литературные произведения определённой эпохи, но последовательность отношений воздействия восприятия между художественным текстом или «реципиентом», который претерпевает постоянные трансформации в процессе реактуализации и интерпретации в новых исторических актах восприятия.

Принципиальная открытость семантических структур текста для его повторного восприятия и понимания с позиции меняющихся эстетических установок и процессуальный характер литературной коммуникации неизбежно наталкиваются на проблему временного аспекта между автором и реципиентом, которые существуют в разных исторических и культурных контекстах. Подвижность актуальности и влияния литературных текстов в их историческом бытии через многократные акты рецепции предъявляет дополнительные требования к попытке выстроить целостную парадигму литературной традиции. В отношении текст-читатель литературная критика должна учитывать обе стороны этого отношения:

1. воздействие текста, обусловленное его художественной значимостью
2. читательскую рецепцию в силу конкретных исторических условий его существования

То есть, анализ имплицитного читателя художественного текста должен быть дополнен анализом исторического читателя с присущей ему изменчивости восприятия. Другими словами, для полноценного восприятия произведения и его исторической ценности, как считает Яусс, читатель должен анализировать произведение, принимая во внимание произведенные автором структурные и жанровые выборы, а так-же изменчивые условия, в которых находится читатель.

Следовательно, чтобы решить проблему временной дистанции, а также исторической изменчивости восприятия интерпретации и оценки того или иного художественного текста, Яусс вводит понятие горизонта ожиданий, первоначально разработанное К. Поппером. Основная цель этого понятия - описать восприятие и воздействие произведения в «объективируемой референциальной системе ожиданий» (Фомин, 2015). Объективируемая референциальная система ожиданий состоит для каждого произведения в исторический момент его появления из понимания жанровых особенностей формы и тематики известных к этому времени произведений и из оппозиции практического и поэтического языков. То каждому

восприятию всякого литературного текста всегда предшествует определённое предварительное знание, основанное на предыдущем литературным и/или жизненным опыте.

Согласно этой концепции, ожидания читателя от опыта чтения состоят из трех основных элементов:

1 условности, представленные в тексте литературного жанра, с которым читатель знаком

2 отношения между знакомыми читателю текстами одного и того же литературно-исторического периода

3 оппозиция между вымыслом и реальностью, практичностью и художественностью языка

По мнению Яусса, читатель усваивает текст одновременно через литературные ожидания и через свой собственный жизненный опыт, как бы горизонтально - одновременно (Jauss, 1970/1989). Горизонт ожиданий меняется в соответствии с разными историческими периодами, разворачивая литературное произведение к читателю со всё более разных ракурсов восприятия.

Акт эстетической рецепции всегда погружен в определенный контекст, который определен транс-субъективным восприятием и воздействием текста. Сам художественный текст ориентирует ожидания воспринимающей публики благодаря определенному набору характерных установок, возникающих в рамках сложившихся норм или внутренней поэтики жанра имплицитных (явно неосознанных/отслеживаемых) отношений с литературно-исторической средой к сложившимся художественным произведениям литературно-исторического окружения или же противопоставления вымысла и действительности, поэтической и практической функции языка (Фомин, 2015).

3.2.2.2 Луиза Розенблат

Среди других пионеров критики читательского восприятия - Луиза Розенблат (1904–2005), которая подчеркивает осознанный подход к чтению: *“Литературные тексты пишутся для того, чтобы улучшить жизнь читателей. Читатели, в свою очередь, обязаны стараться сохранять верность авторским замыслам. Чтение должно быть осознанным”* (Flynn, 2007). Л. Розенблат, в своём произведении «Литература как исследование» (1938) утверждает, что для учителя важно избегать навязывания «предвзятых представлений о правильном способе реагирования на любую работу». Она подчёркивает важность этического измерения процесса чтения: *подразумеваемые моральные установки и не озвученные системы социальных ценностей, выраженные в художественном произведении, подкрепляются убеждающим воздействием искусства*, которые читатель либо отслеживает, либо перенимает того, не осознавая (1938, цит. по: Flynn, 2007). Читатель, читая текст входит во взаимодействие с в нём выстроенными конструкциями, что Л. Розенблат называет «транзакцией»⁴.

Теория «транзакционной реакции читателя» (*eng. Transactional theory*), основанная Розенблат (поддерживаемая Вольфгангом Изером), включает в себя транзакцию между предполагаемым значением текста и индивидуальной интерпретацией читателя под влиянием его личных эмоций и знаний. Термины «транзакция», «транзакционный» в некотором смысле отражают взгляд на мир XX века. Теория транзакции имеет глубокое значение для лингвистики. Традиционно язык рассматривается как индивидуальная система, набор правил, код, которым как средством оперирует говорящий или пишущий или который зафиксирован в тексте.

---

⁴ Trans – образует слова книжного или терминологического характера, 1) имеет значение за, по другую сторону; через; в русском языке соответствует преимущественно компоненту транс-: трансальпийский, трансконтинентальный; 2) указывает на изменение положения, формы, состояния: пере-, пре-, : преобразования = трансформации; 3) обозначает средство, с помощью которого происходит изменения, превращение: транс-, пере-, пре-: трансформатор, транспортер; 4) указывает на превышение чего-либо, выход за пределы чего-либо: трансцендентальный (Большой англо-русский словарь под общим руководством И. Р. Гальперина. М., 1972)

Американский лингвист - Ч. С. Пирс, считающийся по совместительству основателем семантики, также известный своими исследованиями в области знаковых систем, развивал философию Дж. Дьюи и Ф. де Соссюра. Он так же предвосхитил некоторые идеи К. Поппера. Ч. С. Пирс ввёл понятия, разделяющие теорию транзакций от структурализма и пост-структурализма. Соссюр, к примеру разделял: речь (*eng. parole, actual speech*) и язык (*eng. langue, abstractions of the linguists*), означающее и означаемое (*eng. signifier and signified*) т. е. слово и понятие. Ч. С. Пирс же предлагает триадные отношения: знак (*eng. a sign*) – обозначаемое им явление, предмет (*eng. a denoted thing*) – разум (*eng. the mind*). По мнению Ч. С. Пирса, знак и объект связаны только путем мыслительных ассоциаций, связь зависит от «склада ума» и ассоциаций (Сметанникова, 2015: 33). У значения слова есть «человеческий контекст» (Сметанникова, 2015: 33). По его мнению, соединение знака, объекта и «интерпретатора» скорее является умственным процессом, чем объективно существующей реальностью. Широко известно и общепризнанно, что язык есть социальная система коммуникации. Триадная система, по мнению Ч. С. Пирса, акцентирует, что язык всегда интерпретируется человеком посредством транзакций с окружающей его средой (Сметанникова, 2015: 33). Анализ процесса чтения, сделанный Л. Розенблат, основывался на концепции транзакции и транзактивной природе языка, как и на выборочном внимании.

В основе этой теории утверждение о неоспоримой связи между чтением и письмом. Эта теория берёт свое основание из на тот момент актуальных открытий, середины XX-века в области квантовой механики, физики и особенно Эйнштейновских открытий, доказавших существенность наблюдателя и его неявного, но совершенно существенного влияния на наблюдаемый объект: “наблюдатель рассматривается как часть своего наблюдения” (Bohr, 1959: 210, цит. по: Rosenblatt, 1988)⁵. Её подход определён целью создать благоприятную среду обучения, способствующую развитию взаимообогащающей связи между чтением и письмом.

---

⁵ *eng. The observer is a part of his observation.*

Анализ процессов чтения и письма выявляет параллелизм в паттернах символизации и построения смысла. Особое внимание уделяется обычно игнорируемому измерению - процессам, связанным с литературным и нелитературным чтением и письмом. Различия, однако, разрушают представление об автоматическом взаимообогащении видов чтения и письма. Излагаются условия для создания благоприятной среды обучения, способствующей такому взаимообогащению. (Rosenblatt, 1988)

“Опять же, все чаще признается, что чтение является неотъемлемой частью процесса письма”: она подходит к чтению со стороны писателя, к роли читателя, со стороны писательских/авторских замыслов, которые он (читатель) должен уважать. Для Л. Розенблат текст — это никогда не автономная структура, которую можно было бы рассматривать объективно. Напротив, текст читаясь всегда интерпретируется, по-разному в соответствии с читателем. Процесс чтения — это всегда индивидуальный процесс - уникальный для каждого читателя. Она считает, что нет одной универсальной интерпретации, а только несколько, которые в большей или меньшей степени соответствуют тексту (Flynn, 2007).

Для Л. Розенблат, акт чтения — это событие или трансакция, которая состоит из определенного читателя, определенного текста, которая происходит в определенное время и в определенном контексте. Чтобы охарактеризовать чтение, недостаточно проанализировать две переменные: читателя и текст. Смысл не содержится в готовом виде «внутри» текста или «внутри» интерпретатора; он создается, оживает в процессе взаимодействия - трансакции читателя и текста. Контекст и обстановка, в которой находится читатель, определяют выбор читателем значения слов. В своём произведении «Литература как исследование» (1938) Л. Розенблат пишет, что обобщенное понятие «читатель» и «литературное произведение» — это удобная фикция, в то время как в действительности существуют миллионы индивидуальных, уникальных читателей, читающих конкретные литературные произведения.

Теория читательских откликов, выдвинутая Л. Розенблат (1988), основывается на концепции о трансакции читателя, контекста и текста (Дж. Дьюи, А. Бентли), подчеркивающих субъективность деятельности чтения. По мнению Л. Розенблат, деятельность читателя при

акте чтения содержит творческий, креативный оттенок и она не может быть абсолютно точно повторно воссоздана. В таком контексте чтение подобно действиям исполнителя: *«в настоящее время подчеркивается, что писатель сочиняет предположительно осмысленный текст: читатель “составляет/сочиняет”, следовательно, “пишет” интерпретированный смысл»* (Rosenblatt, 1988).

Процесс чтения с точки зрения читателя Л. Розенблат представляет следующим образом: когда читатель видит набор символов на странице, он предполагает, что они должны иметь более или менее связанные между собой значения. Читатель опирается на свой опыт и пробует несколько альтернатив, вовлекая также чувственный аспект. Из всех актуализированных сфер избирательное внимание, определяемое многочисленными физическими, личностными, социальными и культурными факторами, выбирает элементы, которые должны быть организованы и синтезированы в значение и смысл. Возможно, что выбор осуществляется одновременно, поскольку все уровни входят во взаимодействие, определяя друг друга.

Л. Розенблат ввела концепцию «эфферентное чтения», «эфферентная установка чтения», происходящая от латинского *efferre* – уносить, под чем понимается, что читатель, читая, выбирает, что нужно извлечь из текста и сохранить после события чтения. Эфферентная установка в чтении означает намерение «извлечь» из него информацию, чтобы в дальнейшем использовать ее для решения определенных задач. Это относится к чтению газет, журналов и учебников. При эфферентном чтении внимание сосредоточено на вершине айсберга - общем значении слов. В таком распорядке смысл — это результат анализа информации, идей, утверждений и выводов, которые необходимо сохранить для использования в практической деятельности.

«Эстетическую установку», с которой читатель подходит к тексту, можно описать словами «прожить текст». Она предполагает, что он готов сосредоточиться на том, что должно быть «прожито». Понятие «эстетическая» (*aesthetic*) происходит от греческого слова *aísthētikós*, которое подразумевает восприятие с помощью чувств, эмоций, интуиции. При эстетическом чтении читатель актуализирует не только не только общие значения слов, но и

«подводную часть айсберга»: чувства, воображение, эмоции, переживания, связанные со значениями слов или событиями, в которых они уже использовались. Читатель может направить свое внимание на их звучание и ритм, прислушаться к ним «внутренним слухом», чтобы слышать, как они звучат. Этот набор эмоций, чувств и переживаний полностью участвует в событиях и конфликтах, разворачивающихся в читаемом произведении. Так читают, как правило, художественные произведения: романы, прозу, пьесы, стихи. Именно это «пережитое» войдет в смысл текста, то есть переживаемое состояние - ощущения, а не сам текст есть объект интерпретации и читательской реакции, как во время чтения, так и после него.

Оба подхода, обе установки существуют как в реальном чтении, так и в академическом. Они могут быть выстроены в ряд, что предполагает их преемственность для читателя. С одной стороны, читая текст о, например необычном доме, читатель фиксирует его для себя как «дом моей мечты», а с другой - подмечает интересные детали строительства этого дома (а вдруг пригодится?). В первом случае читатель *проживает текст*, во втором - отмечает ту информацию, которая может понадобиться. Эстетическое и эфферентное чтение - два типа чтения с точки зрения читательского отношения, которые могут сосуществовать при чтении одного и того же текста (Сметанникова, 2015).

3.2.2.3 Вольфганг Изер

Исследования Вольфганга Изера (1926–2007) тоже сосредоточены на изучении восприятия художественных произведений, его подход более философский. В. Изер подходит к изучению процесса чтения уделяя внимание структурной организации текста, и тут он очень отличается от Г. Р. Яусса, например, который склонен исследовать восприятия художественных произведений именно со стороны истории литературы (Ковылкин, 2011). Согласно теории Изера, интерес представляет концепция того, как «функционирует» опыт субъекта в процессе чтения художественного произведения: *какую роль играет этот опыт при*

определении субъекта. Следовательно, сначала ознакомимся с тем, как В. Изер рассматривал литературный опыт и процесс чтения и затем, каким образом он определял субъект, вовлеченный в литературный опыт.

Желая понять суть литературного опыта, Изер строит свою теорию вокруг проблемы - восходящей к аристотелевской традиции - таких человеческих способностей: как разум, воображение, восприятие. Точнее, он намеривается исследовать их взаимосвязи и смешения желая изменить представление об их явном разграничении (Iser, 1989: 280, цит. по: Морозова, 2018). Таким образом, в теории Изера можно увидеть оригинальный взгляд на философскую традицию, точнее, ее вклад в постановку определённых проблем. Изер стремится объединить подходы Юма, Канта, Витгенштейна и Сартра, для которых, любое восприятие происходит не без участия воображения. Они, по его мнению, создают обоснование функциональности воображения *“Восприятие требует связи текущего и уже опосредованного впечатления для непрерывности и идентичности воспринимаемого объекта, что и обеспечивается воображением”* — между констатацией факта и чистым вымыслом. Для Сартра, например, воображение — это идеологическая деятельность, по сути, контролируемая самим сознанием, что проявляется даже в (лишенном интенциональности) сновидении. Представляется, что в различных концепциях воображение не является изолированной способностью, а функционирует в сочетании с другими. «Воображаемое нельзя рассматривать как некую *materia prima*, из которой просто нужно исходить. Напротив, воображаемое существует только в комбинациях: со взглядом, с сознанием, то есть в тех формах, в которых мы вступаем в контакт с миром» (Iser, 1989: 273—74, цит. по: Морозова, 2018: 110).

Рассуждая о литературном опыте В. Изер пишет, что текст ещё не является художественным произведением, но становится таковым при встрече с воображением читателя при процессе чтения. Чтение понимается, как опыт смыслового осмысления и конструирования. Работа по интерпретации текста включает в себя задачу изучить, как именно происходит конституирование смысла (Iser, 1994: 36, цит. по: Морозова, 2018: 108). Литературное обусловлено символической природой; оно предполагает гармонию между сокрытием и

представлением одних смыслов за другими, маскировкой и раскрытием. Задача читателя – связать предложения, фрагменты текста в единое осмысленное повествование, наделяя его «действительностью». В основе теории Изера стоит понятие *пробелов*, наличие которых «приглашает реципиента к сотворчеству, свободному выбору среди потенциальных стратегий их заполнения» (Морозова, 2018: 110). Текст познается во временной последовательности; соответственно, последовательная актуализация произведения основывается на процессах антиципации, предвосхищении, умении предполагать и на процессе ретроспекции (Iser, 2004: 207–10, цит. по: Морозова, 2018: 110).

«Литература вовлекает субъект в свободную игру.» (Iser, 1990: 943—46, цит. по: Морозова, 2018: 110) В фокусе находятся трансформации субъективности, вовлечённой в чтение с помощью воображения. Процесс осмысления литературного произведения таким образом *подчёркивает* присутствие читателя, выявляя трансцендентальную⁶ позицию. При этом присутствие является связанным с сущностной неопределённостью человека из-за постоянной изменчивости субъективных установок. Литература исследуется В. Изером, как *медиум*, наделённый антропологической чертой - собственной непостижимостью субъекта (Морозова, 2018).

3.2.2.3.1 Междисциплинарность у В. Изера

Как подчёркивал и сам В. Изер, он развивает прежде всего функциональный подход к литературе: «*Непродуктивным признается стремление понять «литературное» само по себе, онтологически, пытаясь определить его статус по шкале реальности или в противопоставлении ей*». Согласно ему, литературу определяет её функциональность, вовлечённость в историко-культурный и личный опыт, что и предоставляет повод для исследования

---

⁶Трансцендентальное в философии — это нечто, что помогает нам понимать и воспринимать мир, но само по себе оно не является частью нашего непосредственного опыта

коммуникативных взаимоотношений между текстом и реальностью, текстом и читателем. Функциональный характер его подхода обосновывается тем, что толкование текста не является равным поиску заложенного в нем смысла, так как смысл существует всегда в контексте прочтения, актуализации, обусловленной рядом особенностей как самого текста, так и его восприятия (Морозова, 2018).

Любопытно то, что за теорией Изера прозрачно можно проследить именно философский подход. Описывая литературу, он первоначально определяет отношения между реальностью и литературой, употребляя термин «переступить» (*overstep*). Это делается с помощью определения литературы - вымыслом, и с помощью противопоставления, что она не является набором истинных суждений, непосредственным описанием реальности. Из-за абстрактного характера этого определения может возникнуть вопрос о ложности (*fiction*) литературы, в силу её «вымышленного» характера. Под термином «переступить» понимается процесс сознания, которое «особым образом дублирует реальность, удваивает ее за счет вымышленного». Ложь и литература принципиально различны, так как за ложью стоит стремление нечто скрыть, а литературный вымысел, напротив, способствует лучшему пониманию реальности. Ко всему прочему, *«литературный вымысел собственными средствами выражения указывает на свою природу»* (Iser, 1990: 940—42, цит. по: Морозова, 2018: 110).

Изер приходит к философскому осмыслению опыта чтения: отходя от широкой трактовки литературоведческих проблем, он, предлагает исследовательский фокус литературной антропологии. В основе фокуса - вопрос о том, почему люди в той или иной культурной ситуации всегда нуждаются в репрезентации мира через литературу, которая включает в себя не только отчетливое, своеобразное отражение присутствующего, но и вымысел. Допуская, что литература связана с проявлением определенных антропологических потребностей, Изер задаётся вопросом «что именно этот медиум открывает нам относительно нашего собственного человеческого устройства (*anthropological makeup*)?» (Iser, 1989: 264, цит. по: Морозова, 2018).

Исследования Изера являются актуальными с его фокусом на литературную антропологию, особенно в силу попытки определения «антропологического поворота» второй половины XX века, который фиксируется в литературоведении. Этот парадигмальный сдвиг требовал обратить внимание на человека как действующее лицо в культурных реалиях. Учёные, занятые этим движением, желая узаконить эту тенденцию были обусловлены намерением «выйти за пределы исследований в структурализме и постструктурализме», а также «сделать акцент на роли литературного вымысла», что было совершенно созвучно исследовательской деятельности Изера (Морозова, 2018: с. 109).

Проблема антропологического поворота и, в частности, его актуальность - связаны со стремлением установить ориентиры для самоидентификации и дальнейшего развития гуманитарной сферы, что вызвало ряд развёрнутых дискуссий. В ходе этих дискуссий был создан констанцский сборник⁷, который предстает как источник осмысления "антропологической" тенденции (Schlaeger, 1996, цит. по: Морозова, 2018: с. 108). Некоторые учёные (Х. Гюнтер) отмечают, что работы из этого сборника представляют собой не столько теоретические перспективы, сколько набор конкретных исследований. Поэтому для прояснения общих направлений антропологического поворота хорошо подходят труды Изера, в которых он отстаивает антропологическую перспективу. Труды В. Изера, его литературная антропология видятся существенными в обосновании антропологического поворота. Однако речь идёт о двух разных дисциплинах и естественно возникает вопрос как философский дискурс может быть переведен в литературоведческую практику.

Изер «применяет ходы философской антропологии к собственно литературе», что обусловлено попыткой связать исследуемые в литературоведении категории фантазии, воображения, с проблематикой человека как существа свободного, определенного своею «непризнанностью, несамотождественностью» (Дубин, 2017: 687— 88, цит. по: Морозова, 2018: 109) Российский социолог-литературовед — Борис Владимирович Дубин, считает что такую специфику можно рассматривать как часть масштабного — с конца XVIII века, от эпохи зрелого Просвещения и романтизма до современности — развития идеи о том, что воображение является ведущим принципом «самоорганизации субъективности», связывающего

индивидуальный опыт с миром коллективных смыслов (Дубин, 2017: 691—92, цит. по: Морозова, 2018: 109).

По мнению немецко-американского историка науки Ханса Ульрих Гумбрехта, теорию Изера можно считать возобновлением антропологической традиции, созданной И. Кантом, и продолженной, в том числе, феноменологией Гуссерля. В контексте этой традиции центральной задачей становится дать описание «человеческого», определить уникальность присущей субъективности. При этом задаётся вопрос — способен ли человек адекватно воспринимать и описывать внешний мир («вещей самих по себе») (Морозова, 2018).

3.2.2.4 Давид Блейх

Давид Блейх — американский литературовед и преподаватель английского языка подходит к изучению критики читательского восприятия прежде всего с педагогической точки зрения. Его подход так же имеет герменевтическое начало. Для Блейха источником смысла является читатель, и в его работах мало внимания уделяется анализу социальному, институциональному и в общем внешним факторам влияния на реакцию читателей при чтении. В книге «Субъективная критика» Давид Блейх предлагает использовать ответные высказывания (*eng. response statements*) для выявления и анализа субъективных факторов — восприятий, аффектов и ассоциаций, — которые влияют на восприятие текста читателями. По мнению Блейха, как только читатель привыкнет писать о своем восприятии текстов, он увидит в себе причины этого восприятия: «Акт артикуляционного восприятия создает мотив для артикулирования мотивирующего» (Bleich, 1978: 148, цит. по: McCormick, 1985).

В своей теории Д. Блейх определяет процесс чтения, который состоит из трёх шагов:

1. символизация (*eng. symbolization*), личный, индивидуальный процесс чтения, который он называет символизацией

2. ресимволизация (eng. resymbolization), шаг в котором читатель намеривается сформулировать опыт чтения

3. переговоры (eng. negotiation): обмен индивидуальными ответами и заявлениями в ходе процесса.

Отклик – это переживание оценочного восприятия объекта, символизация – оценочное восприятие, которое превращает реальные объекты в символические, ресимволизация (основывается исключительно на субъективных факторах) – это уже концептуализация того, почему мы воспринимаем объект оценочно и символизируем его. Следовательно интерпретация и полное толкование текста, для Д. Блейха происходит только на третьем шаге: ресимволизация, вызванная субъективным желанием реципиента понять свое, личное оценочное восприятие объекта (1978: 67, цит. по: Анисимова, 2015).

Важно упомянуть, что Д. Блейх использовал эту теорию часто в обучении и его аудитории, главным предметом исследования, а также целевой группой обычно являлись студенты, что в основе и влияет на то, что процесс чтения для него содержит в себе момент обмена информацией между читателями (Mailloux, 1990: 43). Возможно поэтому, Давид Блейх акцентирует внимание на уважительном отношении к разным точкам зрения на текст и различным интерпретациям. Его подход как педагога так же заметен в этическом отношении к процессу чтения и навигации других к процессу интерпретации: *«каждый интерпретатор вправе говорить с уверенностью и без обобщений лишь о своих собственных «символизациях» и «ресимволизациях» эстетического объекта»* (1978: 99). В «субъективной парадигме» «коллективное сходство» наблюдений может быть установлено только путем обсуждения и сравнения набора индивидуальных ответов. Поэтому анализ таких ответов должен стать отправной точкой при изучении эстетического опыта в целом (1978: 98).

Основное предположение Д. Блейха заключается в том, что читатель и его выражение (иногда достаточно личных эмоций) являются сутью литературного переживания. В своём произведении «Субъективная критика» (1978) он пишет о том, что наиболее насущной мотивацией каждого человека является понимание самого себя, и что самый простой путь к этому

пониманию — осознание своей собственной языковой системы как средства сознания и само-направления (1978: 297-8, цит. по: Galenbeck, 1979: 793). Он убеждён, что читатель «встречает» текст и интерпретирует его в связи со своими эмоциями. От процесса чтения, в итоге, читатель получает изменения, подтверждение или удовольствие от текста. Такой подход практически полностью снижает значимость автора, хотя парадоксально Д. Блейх находится в постоянном взаимодействии с ним во время чтения. «Знать автора — значит знать собственное представление об авторе», - утверждает Блейх (1978: 259, цит. по: Galenbeck, 1979: 794). Окончательное суждение Д. Блейха состоит в том, что автору нет места, вне его проявления в читателе.

Одни из основополагающих убеждений «субъективной парадигмы» являются: «знание создаётся людьми, а не находится» и «истина создается путем нового использования языка и новой структурой мышления». Таким образом, «субъективная критика» Д. Блейха — это «научное изучение языка и литературы в соответствии с принципами субъективной парадигмы», в которой основным является «читательская ответственность» (определенная игра слов, ведь «response» и «responsibility» в переводе на русский – «отклик/ответ» и «ответственность») за личный акт интерпретации (Анисимова, 2015).

Литературную теорию Давида Блейха называют также «психоаналитической критикой» так как, Д. Блейх позиционирует интерпретацию с психоаналитической точки зрения как попытку читателя объяснить собственные (тревожные) эмоции от чтения, связанные с процессом чтения

3.2.2.5   Ролан Барт

Одним из немногих представителей критики читательского восприятия со стороны семиотики считают французского литературоведа Ролана Барта (1915–1980). Концепция «смерть автора», выдвинутая Р. Бартом, подразумевает что критика отказывается от объяснения текста, исходя из обнаружения в произведении «ипостаси Автора» как носителя истины произведения и утверждает его многозначность. Другими словами, автор и читатель

практически уравниваются в правах: смысл текста появляется только в процессе «чтения-письма» (чтения-сотворчества). Согласно теории Р. Барта взаимоотношение «*текст-письмо*» (соответствующее «чтению-письму») направлено на раскрытие внутреннего потенциала текста, «*текст-чтение*» же (противопоставленное «чтению-письму»), ограничено строгими смысловыми рамками, рассчитанное на считывание единого установленного смысла (Barthes, 2001, цит. по: Ковылкин, 2007). Такой подход обращает внимание на культурно-социальный бэкграунд читателя, диктующий, как он интерпретирует текст и какой опыт чтения имеет в силу своего жизненного опыта. Чтение становится глубоко интеллектуальной работой, предоставляющей наслаждение, работой над собой, которая может превосходить и процесс письма.

Основной мыслью концепции «смерти автора» является следующее утверждение: человек поработан «диктатом истины» — идеологии социума, которая предполагает невозможность выражения личного голоса, как и творческого выражения себя в процессе чтения. Акт чтения сопоставляется с понятием «сотворения». Основная теоретическая задача в дезорганизации искусственно созданной логики единственного возможного значения, – раскрыть читателю многоуровневость и открытость текста (Ковылкин, 2007: 155).

Концепцию «смерть автора» можно рассматривать как ответ актуальному состоянию развития культуры, в которой «воспринимающий субъект поработан диктатом масс-медиа и социальных институтов, загоняющими его в жёсткие рамки потребителя» о чем пишет В. Льоса (1983, цит. по: Ковылкин, 2007). Описанное состояние жизни общества объясняется «тоталитарным мышлением», которое не предполагает возможности ответа, т. е. второго голоса. Таким образом, частой задачей современного автора становится задача *разбудить* читателя, освободить его от установленных рамок, добиться *для него* оптимальной степени свободы, создать через произведение условия, отвечающие логике познания. «Чтение как сотворчество — это не потребление, не желание получить от книги лёгкое удовольствие, но соучастие» (Ковылкин, 2007).

Отношения «текст-читатель» — это диалог между читателем и произведением подчёркивающий многомерность произведения. Читатель, читая, приводит в движение различные

элементы, создавая смысловые связи и единства. Произведение содержит различные смысловые единства, движение и переплетение которых напрямую зависят от читателя и его общей семиосферы. Актуализация произведения подразумевает единство текста и читателя (один организм), внутри которого посредством пассивного синтеза различных смысловых единств вырабатывается единая ситуация высказывания. Текст становится живым субъектом в силу живых подвижных смысловых элементов, с которыми вступает в общение читатель. Важно отметить, что это «общение» видится продуктивным, и текст способен раскрыть свой интеллектуальный потенциал только через предрасположенность читателя к разговору. Одухотворяя так текст, читатель оказывается в общении с реально существующими смыслами, которые могут провоцировать и вопрошать. Незавершённость текста всегда соотносима с читателем, и «звучание текста - всегда талант и чуткость реципиента, его способность к адекватному творческому воспроизведению» (Ковылкин, 2007: 156). Другими словами, в таком соотношении именно стремление читателя, его интенциональность будет залогом становления текста, внутри которого проявляется пространство для образования новых связей.

Это приводит к обнаружению проблемы многозначности текста и конкретности прочтения литературного произведения. Выявляется противоречивость рецепции - её выборочный и односторонний характер. Восприятие не может быть исчерпывающим, а произведение, тем самым, является многозначным. Реципиент видит произведение как систему с определяющей внутренней логикой, поддающейся познанию. Но такой подход тем самым ограничивает поле возможного восприятия, хоть и упорядочивает, и делает произведение доступным читателю. Акцентируется ограниченность восприятия, которая при том предполагает и «открытость» произведения к многократным прочтениям:

Читатель понимает, что пространство диалога не может быть исчерпано, всегда остаётся определённая двусмысленность и недосказанность, что легко доказывается повторным прочтением данного текста, при котором диалог будет проходить уже в других обстоятельствах и скрывать за собой другие смыслы. (Ковылкин, 2007: 156)

Как считает Р. Барт целью реципиента является уловить и классифицировать те формы, через которые идет возникновение смыслов. Т. е. первоначальной задачей является прожить многомерность и множественность текста, открытость процесса означивания (Barthes, 1989: 426, цит. по: Ковылкин, 2007: 156). Подобный аспект открытости можно увидеть, как необходимый в процессе познания в общем, в котором представление об открытости являются основным условием для развития научной идеи. В контексте же критики читательского восприятия и процесса чтения открытость подразумевает расположенность читателя к диалогу со смысловыми элементами текста, выстраиванию и высвечиванию новых перспектив. За основу взято утверждение о невозможности раскрытия всего потенциала текста (за одно прочтение). Текст представляется открытым в мир интеллектом - вечно становящееся событие, которое определяется личностной интенцией реципиента (Ковылкин, 2007: 156).

Теория Р. Барта стала значима в развитии семиотики, проясняя ряд важных моментов и аспект «игры структуры» и процесса означивания текста. Для критики читательского восприятия же основным его вкладом является обращение внимания на положение и «прозрачность границ» между текстом и читателем: возможности взаимопроникновения различных элементов дискурса, возможности «множественного прочтения», что не означает языкового и смыслового хаоса, но является залогом новых структур «чтения-письма» (чтения-сотворчества). В контексте диалога (разговора читателя и произведения) его свобода считается относительной, ограниченной рамками диалогических отношений текста и читателя, вписанных в контекст эпохи. Примечательно, что «диалогичность» отношений «текст-читатель» утверждает их как равных собеседников, ограничивая при том многоуровневость прочтения.

3.2.2.6   Норман Холланд

Норман Холланд (1927–2017), в свою очередь, подходит к теории отклика читателя, основывая опыт чтения на «теме идентичности» читателя. Н. Холланд тоже видит читателя как определяющее в этом процессе. Разногласия по поводу интерпретации текста возникают из-за индивидуальных различий идентичности читателей (Mailloux, 1990: 45). Темы идентичности,

в свою очередь, обнаруживаются путем прочтения определенного «целого» в разнообразных действиях и атрибутах человека. «Идентичность — это единство, которое я нахожу в личности, если смотрю на неё, как на текст», - считает Холланд (1975: 815, цит. по: Mailloux, 1990: 45). Другими словами, Норман Холланд сопоставляет текст с идентичностью читателя, видя обоих «единством», «целым».

Вооруженная этим предположением, транзакционная критика Н. Холланда хорошо объясняет различия в интерпретациях: разные темы идентичности приводят к конструированию разных значений. Сложность процесса интерпретации Н. Холланда в некотором смысле заключается в том, что он «закладывает радикальные различия в свою теорию чтения в ее основу, из-за чего становится чрезвычайно трудно прийти к убедительному объяснению общих значений и соглашений в интерпретации». Норман Холланд доказывает, что отклик включает в себя взаимодействие читателя и автора, при котором читатель «смешивает» основные черты своей личности с текстом (Осборн, 2017).

Исследование Холланда основано на предположении о том, что читатели обладают индивидуальными идентичностями (*eng. Individual identity themes*) и они трансформируют тексты, которые они читают, в соответствии со своими защитами механизмами, ожиданиями, фантазиями и интересами. Нормана Холланда часто объединяют с Давидом Блейхом именно по причине того, что оба литературоведа имеют психоаналитический подход к изучению восприятия читателей. Блейх и Холланд преуспели в том, чтобы сместить акцент в классе с текстов на читателей, благодаря критике читательского восприятия: они обнаруживают истоки смысла изначально в читателях. Но они останавливаются на изучении того, как читатели подвергаются влиянию (или «написанию») языка и общества. Роль студентов для Блейха и Холланда представляется в первую очередь пассивной: просто реагировать на текст, а не анализировать факторы, влияющие на эти реакции: учителю остается объяснить, как и почему читатель реагирует определённым образом (McCormick, 1985).

4 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЯЗЫК

Важно отметить, что не только критика читательского восприятия как литературоведческое направление считала необходимым ввести фигуру читателя в литературу, но необходимость в исследовании читательского восприятия проявлялась и в других дисциплинах. Структурализм его установками стал в какой-то момент ясно заявлять об ограниченности его исследовательского подхода.

В контексте третьей волны «лингвистического поворота», совпадающей с антропоцентрической парадигмой и появлением постмодернизма в 1960-х и 1970-х годах, французский философ Франсуа Лиотар в своём произведении «Состояние постмодернизма» (1979) заявляет, что единственной реальностью существования человека является язык и игра со смыслами текстов. В своей работе он обозначает основные черты постмодернизма и отказывается от субъективно-объективного познания действительности (Lyotard, 1998, цит. по: Миньяр-Белоручева, 2014). Вследствие чего (и не только этого, но это упоминается как отправная точка) учёные стали воспринимать язык как первоначальный по отношению к мышлению. Таким образом, по мнению исследователей, язык использовали для конструирования реальности, которая согласно М. Хайдеггеру, происходила только в язык (1988, цит. по: Миньяр-Белоручева, 2014). Историки, сторонники постмодернизма также считали, что язык не отражает историческую действительность, а создаёт её. *“Языковое конструирование истории вышло в*

трансформацию исторических терминов, которую требовала постоянная реконструкция картины мира прошлого, поскольку постмодернизм, верящий в невозможность постижения абсолютной истины, допускал рассмотрение разных ракурсов, что и привело к индивидуальной интерпретации исторической реальности” (Миньяр-Белоручева, 2014).

Исходные положения индивидуальной интерпретации, были успешно применены к анализу исторических событий и исторических источников, которые как считалось воспринимались каждым историком по-разному в зависимости от его личных представлений, в рамках которых он постигает историческую действительность. Другими словами, освободившись от (ограничений) социально-политического подхода и количественного анализа, и приняв за *истину* что в мире нет ничего, кроме языка, историки постмодернисты стали более свободны в интерпретировании первоисточников, не игнорируя притом правила интерпретации в рамках определённых эпох и дисциплин. Они основывались на посыле постмодернизма, согласно которому источники, являющиеся важными в научном историческом исследовании, сами по себе ничего не сообщают, а является лишь *материалом*, который каждый историк волен использовать для реконструкции своего образа исторического прошлого, «поскольку перспективы, с которых рассматривается прошлое, изменчивы» (Гуревич, 1999: 11, цит. по: Миньяр-Белоручева, 2014: 13). В то же время историки, разрушая старые и создавая новые картины исторического развития посредством языка, подтверждают, что не могут абстрагироваться от времени, в котором живут (Миньяр-Белоручева, 2014).

5 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель этого исследования – ознакомление с литературным направлением критика читательского восприятия. Исследовательский вопрос, поставленный в начале этой работы: как появилось литературное направление критика читательского восприятия и в её контексте «субъективная парадигма» Давида Блейха появление которой было рассмотрено с точки зрения теории смены научной парадигмы Томаса Куна.

В литературоведческом читателе-ориентированном направлении, критике читательского восприятия, существует несколько подходов, но все они едины в своем убеждении, что смысл текста выводится читателем в процессе чтения. Центральным фактором в акте чтения является не текст, а читатель. С намерением ознакомления с разными подходами, которые сосредоточены на исследовании читательской реакции в процессе чтения, мы исследовали шесть представителей этого направления: это Ганс Роберт Яусс, Луиза Розенблат, Вольфганг Изер, Давид Блейх, Ролан Барт и Норман Холланд. Эти представители развивали и применяли свои теории в контексте критики читательского восприятия в разных целях. Их научная разноплановость в этом смысле создала возможность для более полноценного понимания литературного направления критика читательского восприятия.

Теория транзакционного отклика читателя, предложенная Луизой Розенблат и поддерживаемая Вольфгангом Изером, включает в себя транзакцию между предполагаемым значением текста и индивидуальной интерпретацией читателем под влиянием их личных эмоций и

знаний. Субъективная парадигма читательского восприятия, предлагаемая Давидом Блейхом, рассматривает реакцию читателя, сосредотачиваясь на литературном смысле. Давид Блейх считает, что текст существует только тогда, когда он прочитан; следовательно, текст не может иметь значения независимо от читателя. В его педагогической деятельности отдельные письменные отклики на текст затем сравниваются с другими индивидуальными интерпретациями, с целью найти преобладание смысла. Это намерение создать коллективное понимание объединяет теорию Давида Блейха с психологическим подходом Нормана Холланда, который считает, что мотивы, чувства, ожидания, фантазии, защитные механизмы читателя сильно влияют на то, как читатель воспринимает текст, как его интерпретирует. Он впоследствии использует чтение для психоаналитического анализа отклика читателя с целью изучения разных идентичностей в человеческой психологии. В. Изер так же интересно подмечает субъективный характер читательской реакции в процессе чтения. Он делает акцент на воображении и «вымышленном» свойстве литературы, явно различая суть вымысла как нечто воображением созданное, но не обязательно лживое.

В общем, с помощью изучения разных подходов, это исследование показывает, что критика читательского восприятия как исследовательское направление может быть, и будет являться эффективным в применении не только в контексте литературоведения, но и в связи с герменевтикой, антропологией, лингвистикой, философией, филологией и другими дисциплинами гуманитарных, и, возможно, точных наук. С помощью исследования читательского отклика в научно-исследовательском направлении получилось изучить и принципы научных сообществ, появления научных парадигм и их смен в истории науки, согласно революционной теории научной истории, предложенной Томасом Куном.

Так как изучение появления отдельного литературного направления связано непосредственно и с историей науки и тем, как она развивается, целесообразным было углубиться и в историко-научный дискурс, изучая развитие науки в выбранный период: XX век. Примечательным он кажется нам со многих сторон; его описывают как всеобщий процесс «историзации знания (и мира)» (Махлин, 2016: 212). Литературное направление критика читательского восприятия возникла в ходе революционных изменений, происходивших во многих областях

в науке. Она является частью третьей волна лингвистического поворота, который совпадает с антропоцентрической парадигмой в научной истории. Это время отмечают, как период антропологизации истории, когда внимание исследователей привлечено человеком с его проблемами. Критика читательского восприятия, как направление с исследовательским фокусом на восприятии человека, с одной стороны, выражает необходимость в признании субъективности, а с другой подтверждает существенность более абстрактных концепций и взаимосвязей до неё явно не изученных. Тем самым она может считаться как причиной, так и прямым следствием в XX веке происходивших изменений.

В начале XX века были обнаружены множественные антиномии познания и логико-математические, физические парадоксы (Б. Рассел, Ж. Ришар, К. Греллинг, К. Гедел и др.), которые в итоге подвергли сомнению правомерность существования фундаментальных понятий наиболее «точных» наук, таких как логика и математика, принципы которой активно применялись в обучении лингвистике и литературе. Давид Блейх со стороны критики читательского восприятия вложил огромный вклад в научную историю, предложив «субъективную парадигму». Опираясь на ряд междисциплинарных исследований и открытий, он указал на то, что принцип «самоочевидности» научных аксиом является недостаточным в свете открывшихся противоречий в основах (математической теории множеств, относительно результатов, полученных в сфере неевклидовых геометрий и нетрадиционных логических систем, относительно парадоксов корпускулярно-волновых свойств света и др.), но прежде всего в изучении языка и литературы.

Не только Д. Блейх, но и другие представители критики читательского восприятия заметили, что *«восприятие бытия, воплощающееся в абстрактных понятиях и законах, не позволяет отразить некоторые аспекты реальности, при описании которой наука утратила какое-то глубинное связующее звено»* (Вознюк, 2022). Они, как мне кажется, отчётливо прояснили, что такие несводимые друг к другу феномены, как физика и сознание, являются чем-то взаимодополняющим и целым. Отсюда вытекает и объединение психологии при акте чтения (Холланд) и активное стремление применить язык как средство изучения самого себя (Блейх). Барт вообще прозрачно отображает принцип современной, новой постнеклассической

парадигмы науки (Р. Шелдрейк, А. Янг, К. Прибрам, Дж. Уилер, Д. Бом, Э. Вигнер, Ф. Капра, С. Гроф и др.), с позиции которой мир рассматривается как единое целое, говоря об «прозрачности границ». Изучение восприятия текстов, их толкование, сотворчество в процессе чтения и в итоге их возможное воссоздание касается многих аспектов повседневной жизни человека, и эта тема кажется поэтому актуальной и по сей день.

Посредством изучения развития науки и литературоведения было возможным так же изучить диалогический аспект коммуникативной природы литературы, о которой писал Г. Р. Яусс. Изучив «процесс диалога» на микроуровне, рассматривая конкретно читательский опыт чтения с разных точек зрения, представленных отдельными теоретиками, мы прояснили и принципы макроуровня «процесса диалога». В некотором смысле теория Томаса Куна об организации научной истории, описывающая развитие общества, содержит в себе подобный диалогический аспект. А именно: когда разные литературоведы, отмечая всеобщие игнорируемые аспекты в науке, утверждают необходимость их исследования, они затем дают ответ на этот вызов, предлагая новую парадигму, которая даёт необходимые условия для поддержания развития в науке.

Важно тем не менее отметить, что этот дискурс соответствует лишь революционному взгляду на развитие научной истории. В его контексте, как пишет Т. Кун, развитие науки связано с «эпистемологическими потребностями настоящего» и их удовлетворением, по причине чего восприятие реальности в любой момент истории (через такой парадигмальный способ) является реальностью лишь на тот момент. Следствием такого подхода является то, что для всех практических целей реальность в контексте парадигмы изобретается, а не наблюдается или открывается людьми. Мною отслеживаемая синхронистичность, упомянутая в начале этой работы, заключается в том, что читатели, читая произведение подобно историкам науки или литературоведам, открываются к чтению как процессу сотворчества, что может быть сравнимо с «изобретением», созиданием реальности и истории, скорее, чем пассивным наблюдением.

Важно заметить, что в этой работе производится анализ с определённой теоретической точки зрения выбранного литературного направления, отдельно отобранных представителей

этого направления. Производится лишь поверхностное изучение истории науки. Вскользь упомянута тема интерпретации вне контекста критики читательского восприятия. В целях более глубокого изучения критики читательского восприятия продуктивным в плане будущих исследований может оказаться более точное изучение читательских откликов и формирования интерпретаций в процессе чтения. Так же перспектива изучения интерпретации и толкования и реакции читателя вне концепций литературного направления критики читательского восприятия и литературоведения в общем может оказаться полезной для лучшего понимания их различий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bleich, D. (1978). *Subjective Criticism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Eco, U., Culler, J., Rorty, R., & Brooke-Rose, C. (1992). *Interpretation and Overinterpretation*. (S. Collini, Ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Flynn, E. A. (2007). Louise Rosenblatt and the Ethical Turn in Literary Theory. *College English*, 70(1), 52-69.

[https://www.jstor.org/stable/pdf/25472250.pdf?casa_token=R91GFtO-](https://www.jstor.org/stable/pdf/25472250.pdf?casa_token=R91GFtO-4mEAAAAA:8tyE72_8FbCA1o5zuf-PBlZrvgpFeWytU8fRxX38p8luVlwy4ILFU6KuUqMLovT0qq4iZxA6iWNILIpDJwNU)

[4mEAAAAA:8tyE72_8FbCA1o5zuf-](https://www.jstor.org/stable/pdf/25472250.pdf?casa_token=R91GFtO-4mEAAAAA:8tyE72_8FbCA1o5zuf-PBlZrvgpFeWytU8fRxX38p8luVlwy4ILFU6KuUqMLovT0qq4iZxA6iWNILIpDJwNU)

[PBlZrvgpFeWytU8fRxX38p8luVlwy4ILFU6KuUqMLovT0qq4iZxA6iWNILIpDJwNU](https://www.jstor.org/stable/pdf/25472250.pdf?casa_token=R91GFtO-4mEAAAAA:8tyE72_8FbCA1o5zuf-PBlZrvgpFeWytU8fRxX38p8luVlwy4ILFU6KuUqMLovT0qq4iZxA6iWNILIpDJwNU)

[D64kR_t4x-uQ4uMurhyEarPyDPHxW9j6Fw](https://www.jstor.org/stable/pdf/25472250.pdf?casa_token=R91GFtO-4mEAAAAA:8tyE72_8FbCA1o5zuf-PBlZrvgpFeWytU8fRxX38p8luVlwy4ILFU6KuUqMLovT0qq4iZxA6iWNILIpDJwNU)

Galenbeck, S. (1979). Higher Innocence: David Bleich, the Geneva School, and Reader Criticism. *College English*, 40(7), 788–801. <https://doi.org/10.2307/376304>

Jauss, H. R. (1989). Literary History as a Challenge to Literary Theory. In M-L. Nevala (Ed.), *Methods of literary research* (Pp. 197-235). SKS. (Original work published 1970)

Khun, T. S. (1977). *The structure of scientific revolutions*. (I. Z. Naletova, Trans.). Chicago, 1962; M., 1977. (Original work published 1962)
<https://libarch.nmu.org.ua/bitstream/handle/GenofondUA/52944/76504bd819d81e71970b0697283287ed.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

Mailloux, S. J. (1990). The Turns of Reader-Response Criticism. In *Conversations: Contemporary Critical Theory and the Teaching of Literature*. Ed. Charles Moran and Elizabeth Penfield. Urbana, IL: NCTE, 38-54.

https://digitalcommons.lmu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1061&context=engl_fac

McCormick, K. (1985). Theory in the Reader: Bleich, Holland, and beyond. *College English*, 47(8), 836–850. <https://doi.org/10.2307/376620>

Rorty, M. R. (1992). *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method*. United Kingdom: University of Chicago Press.
https://books.google.fi/books?hl=en&lr=&id=LTOaM0X6e6cC&oi=fnd&pg=PA1&dq=linguistic+turn+rorty&ots=Sd36dpfJKu&sig=XQWbUtaQjM41ubs15q6Ao8EtdCU&redir_esc=y#v=onepage&q=linguistic%20turn%20rorty&f=false

Rosenblatt, L. M. (1988). *Writing and Reading: The Transactional Theory*. United States: University of Illinois at Urbana-Champaign.

Tolley, C. (2012). The Generality of Kant's Transcendental Logic. *Journal of the History of Philosophy* 50(3), 417-446. <https://doi.org/10.1353/hph.2012.0054>.

Анисимова, Л. В. (2015). *Д. Блейх и смена парадигм в литературоведении США 1960-1970-х годов*. Киевский университет, Киев.

https://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/5803/1/L_Anisimova_MINRIB_1_GI.pdf

Визгин, В. П. (2018). *Картезианство*. Электронная библиотека: Новая философская энциклопедия.

[https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec884b219e418310e4f8ec#:~:text=%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%83%20%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82,%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B%C2%BB%20\(%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82.](https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec884b219e418310e4f8ec#:~:text=%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%83%20%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D1%8B%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D0%B5%D1%82,%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%B8%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B%C2%BB%20(%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82.)

Вознюк, А. В. (2022). *Метод нелинейного прогнозирования исторических событий позволяет изменить мир к лучшему*. Житомир, 2022.

<http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001h/4881-vz.pdf>

Гиленсон, Б. А. & Косиков Г. К. «Новая критика»: *Краткая литературная энциклопедия*.

<https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke5/ke5-3032.htm>

Зайнетдинова, Р. А. (2010). Предпосылки формирования структурно-семиотической концепции Ю. Лотмана. *Дискурс Пи, 1-2(9-10)* 213-217.

[Предпосылки формирования структурно-семиотической концепции Ю. Лотмана \(cyberleninka.ru\)](http://cyberleninka.ru)

Ковылкин, А. Н. (2007). Вопросы рецептивной эстетики. *Омский научный вестник, 2(51)*.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН.

<https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-retseptivnoy-estetiki>

Ковылкин, А. Н. (2011). Рецептивная эстетика В. Изера. Альманах “Академические тетради”.

Тетрадь четвёртая Проблемы Эстетики и Теории Литературы, Выпуск 14(2011).

<http://www.independent-academy.net/science/tetradi/14/kovylkin.html>

Кожанова, В. Ю. (2012). Концепты рецептивной эстетики в интерпретативной парадигме медиатекста. *Вестник Московского университета, 5(10), 97–107.*

<https://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/5/kontsepty-retseptivnoy-estetiki-v-interpretativnoy-paradigme-mediateksta/>

Кругликов, В. А. (2018). *Рецептивная эстетика*. Электронная библиотека ИФ РАН: Новая философская энциклопедия.

<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bc0dc81b43e6e90ced7>

Махлин, В. Л. (2013). Что такое «рецепция»? (К истории понятия): Звучащие смыслы:

Творческое самопознание. *Литературоведческий журнал, 33, 438–460.*

<https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-retseptsiya-k-istorii-ponyatiya/viewer>

Миньяр-Белоручева, А. П. (2014). Смена парадигмы в истории и лингвистике. *Вестник ЮУрГУ, серия «Лингвистика», 11(1), 12-17.*

<https://cyberleninka.ru/article/n/smena-paradigm-v-istorii-i-lingvistike/viewer>

Морозова, М. В. (2018). Специфика проблемы субъекта в рецептивной эстетике и литературной антропологии В. Изера. *Вестник РУНД, Серия: ФИЛОСОФИЯ, 22(1), 107-115.*

<https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-problemy-subekta-v-retseptivnoy-estetike-i-literaturnoy-antropologii-v-izera/viewer>

Муравьев, В. С. *Литературоведение, наука о художественной литературе, её происхождении, сущности и развитии*. Большая советская энциклопедия.

<https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/070/765.htm>

Осборн, Г. (31.01.17). *Проблема значения: постановки вопроса: Герменевтическая спираль*.

Библиотека soteria.ru.

<https://soteria.ru/s4918/19/>

Салин А. С. (2016). От истории смысла к его метафизике: критика рецептивной эстетики

Ханса Роберта Яусса. *Вестник Московского Университета* 4(7), 35-48.

<https://cyberleninka.ru/article/n/ot-istorii-smysla-k-ego-metafizike-kritika-retseptivnoy-estetiki-hansa-roberta-yaussa>

Саоин, А. С. (2016). От истории смысла к его метафизике: критика рецептивной эстетики

Ханса Роберта Яусса. *Вестник Московского университета*, 7(4), 35-47.

<https://cyberleninka.ru/article/n/ot-istorii-smysla-k-ego-metafizike-kritika-retseptivnoy-estetiki-hansa-roberta-yaussa/viewer>

Сметанникова, Н. Н. (2015) Теория читательских откликов: Ведущие зарубежные теории чтения XX века и их воплощение в методологии и методиках обучения. В. В. Я.

Аскарлова (ред.), *Чтение. XXI век : коллективная монография*, (с. 32-35).

Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества Челябинская государственная академия культуры и искусств.

http://mcbs.ru/files/reading_21.pdf

Фомин, К. А. (2015). Концепция рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса как принцип конструирования и динамики литературной традиции. *Вестник Томского государственного университета*.

<https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-retseptivnoy-estetiki-hansa-roberta-yaussa-kak-printsip-konstituirovaniya-i-dinamiki-literaturnoy-traditsii/viewer>

Цурганова, Е. А. (2019). История Литературоведения и литературной критики: Ганс Роберт яусс и его эссе “история литературы как вызов теории литературы”. *Реферативный журнал*, 7(4), 18-21.

Ганс Роберт яусс и его эссе "история литературы как вызов теории литературы"
(cyberleninka.ru)